
Амбре Науар
#Черный бриф

Амбре Науар

#Черный бриф

«Автор»
2026

Науар А.

#Черный бриф / А. Науар — «Автор», 2026

В мире высокой парфюмерии, где мечты разливают по хрустальным флаконам, а желания продают на вес золота, власть принадлежит тому, кто владеет воздухом. Гигантская корпорация, чьи щупальца оплели континенты, решила, что конкуренция — это лишний шум. И она придумала ход, которого нет ни в одной стратегии: удар, который невозможно увидеть, нельзя доказать, но нельзя не почувствовать

© Науар А., 2026
© Автор, 2026

Амбре Науар
#Черный бриф

#Черный бриф
1 Глава. Куб
2 Глава. Подвал в Каруже
3 Глава. Дрожь
4 Глава. Нулевая зона
5 Глава. Прозрачность
Эпилог. Свет

Глава первая. Куб

Зал был белым, не просто светлым — белым до агрессии. Белые стены, белый пол, белый потолок, в который были встроены невидимые панели холодного света. Даже воздух, казалось, был отбелён — ни пылинки, ни тени, ни намёка на то, что за этими стенами существует Женева с её серым ноябрьским небом и мокрыми трамваями.

В центре зала, на пьедестале из матового акрила, стоял один-единственный флакон. Прозрачное стекло, прозрачная жидкость, никакой этикетки, только тонкая гравировка, которую можно было прочитать, лишь наклонившись вплотную: NULL.

— Запах отсутствия, — произнёс в микрофон креативный директор Lumina, Марк Дюваль, и его голос эхом разлетелся по пустоте.

— Мы не создали аромат, мы создали тишину. В мире, где каждый кричит, мы — молчим.

В зале сидели шестьдесят человек. Инвесторы, журналисты, байеры из Дубая и Шанхая, три блогера с совокупной аудиторией в двадцать миллионов. Все в чёрном — дресс-код был указан в приглашении. Шестьдесят чёрных фигур в белом кубе, как шахматные фигуры на доске, с которой стёрли все клетки.

Анри Леклер, управляющий партнёр швейцарского венчурного фонда, сидел в первом ряду и думал о пятидесяти миллионах. Именно такую сумму он был готов вложить в Lumina при условии, что презентация его убедит. «Запах отсутствия» звучал как маркетинговая уловка для идиотов, но акции Lumina росли третий квартал подряд, и Леклер давно научился не спорить с рынком.

Рядом с ним сидела Клэр Монтанье, обозреватель Le Monde. Она пришла с блокнотом и скепсисом. За пятнадцать лет в парфюмерной журналистике она видела всё: ароматы с феромонами, ароматы с ДНК клиента, ароматы, которые нужно было хранить в холодильнике при минус двадцати. «Запах отсутствия» не впечатлял. Она уже мысленно формулировала первый абзац рецензии: «Lumina пытается продать нам пустоту по цене золота».

На галерке, у самой стены, стоял охранник по имени Давид. Ему было всё равно, чем пахнет отсутствие. Его задача следить, чтобы никто не подошёл к пьедесталу ближе чем на два метра. Скучная работа. Он переминался с ноги на ногу и думал о том, что забыл купить молоко.

Первые двадцать минут прошли идеально. Дюваль говорил красиво, слайды сменялись плавно, флакон вращался на пьедестале, подсвеченный лучом, который, казалось, не имел источника. Гости кивали. Кто-то делал заметки в телефоне. Один из дубайских байеров даже улыбался.

А потом что-то изменилось.

Никто не заметил момента. Не было вспышки, хлопка, странного звука, просто воздух, тот самый отбелённый, стерильный воздух белого куба, стал… другим. Не запах. Не совсем.

Скорее, ощущение. Как будто кто-то неслышно вошёл в комнату и встал за спиной. Как будто ты забыл выключить утюг, но не можешь вспомнить, дома ты или нет.

Анри Леклер первым почувствовал, что его руки стали влажными. Он посмотрел на свои ладони, они дрожали. Мелко, почти незаметно, но достаточно, чтобы он не смог удержать стилус. Он попытался сосредоточиться на словах Дюваля, но слова расплывались, как буквы на мокрой бумаге. В груди росло давление, не боль, не стеснение, а что-то более примитивное. Ощущение, которое он не испытывал с детства, с того дня, когда потерялся в супермаркете и тридцать минут не мог найти мать.

Здесь что-то не так, подумал он. Здесь опасно.

Он не знал, почему. В зале было тепло, светло, безопасно, охрана у дверей, камеры, но его тело уже приняло решение раньше разума. Леклер встал.

— Прошу прощения, — сказал он, обращаясь к соседке, чьё имя не помнил. — Мне нужно…

Он не закончил фразу, потому что не знал, что ему нужно. Выйти? Позвонить кому-то? Просто перестать находиться в этом белом пространстве, которое вдруг стало давить на виски, как тиски? Он шагнул в проход и его ноги понесли его к выходу быстрее, чем того требовал этикет.

Клэр Монтанье заметила его уход краем глаза и подумала: странно. Леклер был известен тем, что никогда не покидал мероприятий до конца — это был его принцип, его способ показать уважение и одновременно собрать максимум информации. Если он ушёл, значит…

Мысль оборвалась. Клэр почувствовала, как к горлу подступил ком, не тошнота, что-то другое. Тоска? Страх? Она посмотрела на свой блокнот и увидела, что последние три строки написаны неразборчиво — рука дёрнулась, ручка провела длинную кривую линию через всю страницу. Её глаза защипало.

Я не плачу, подумала она с яростью. Я не плачу на презентациях. Я не плачу вообще, кроме похорон и финала «Амели».

Но слёзы уже текли. Горячие, обильные, совершенно не связанные ни с одной мыслью в её голове. Она скомкала блокнот, хороший блокнот Moleskine, и не извиняясь встала и почти побежала к двери с табличкой «WC». Заперлась в кабинке, села на крышку унитаза и заплакала так, как не плакала лет десять: без звука, с открытым ртом, как задыхающийся человек.

Давид, охранник, заметил беготню и напрягся. Его рука машинально легла на рацию. Он оглядел зал и увидел то, чего не должно было быть на светском мероприятии: двое гостей — мужчина в сером костюме и женщина с жемчужной заколкой — стояли друг напротив друга и шипели. Не разговаривали. Именно шипели, как коты, сжав кулаки, с лицами, перекошенными от ярости, которой не было причины.

— Не трогай меня, — прошипела женщина.

— Я тебя не трогал, — прошипел мужчина. — Это ты толкнула.

— Я не толкала!

— Ты стояла слишком близко!

Давид подошёл к ним, положил руку на плечо мужчины. Тот дёрнулся так, будто его ударили током, и развернулся к охраннику с таким выражением лица, что Давид невольно отступил на шаг. В глазах мужчины был чистый, неразбавленный ужас, ужас человека, который видит перед собой хищника.

— Сэр, — сказал Давид, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Всё в порядке. Это просто…

Он не договорил, потому что сам вдруг почувствовал, как по затылку пробежал холод. Ощущение чужого взгляда. Ощущение, что за его спиной, прямо за белой стеной, кто-то стоит и дышит ему в шею. Он обернулся. Стена. Белая. Пустая. Но холод не прошёл.

К тридцатой минуте зал опустел на треть. Дюваль продолжал говорить, но его голос звучал уже не как презентация, а как заклинание — отчаянное, бесполезное, обращённое в пустоту. Гости уходили молча, не прощаясь, не забирая подарочные наборы. Некоторые держались за стены, как будто пол качался. Одна женщина стояла у выхода и пыталась отдышаться, прижав ладонь к груди.

К сороковой минуте в зале осталось не больше тридцати человек из шестидесяти. Дюваль наконец замолчал. Посмотрел на полупустой куб. Посмотрел на флакон, который по-прежнему вращался на пьедестале, безмятежный и прозрачный.

— Ну, — сказал он в микрофон, и эхо подхватило его голос, как издевательство. — Кажется, тишина получилась слишком громкой.

Никто не засмеялся.

К закрытию биржи акции Lumina упали на двенадцать процентов, к утру — ещё на четыре. В корпоративном чате царила паника. Маркетологи обвиняли ивент-менеджеров. Ивент-менеджеры обвиняли кейтеринг. Кейтеринг клялся, что канапе были свежайшими — лосось из Норвегии, доставленны утром, крем-фреш с фермы, никакой просрочки.

Официальная версия для прессы: «Лёгкое пищевое недомогание нескольких гостей, вызванное индивидуальной непереносимостью ингредиентов».

Неофициальная версия, которую шептали в кулуарах Женевского парфюмерного клуба, в курилках и в закрытых телеграм-каналах, была короче и страшнее:

— Кто-то поставил блокатор.

Никто не знал, что это значит ,но все чувствовали, что это правда.

Глава вторая. Подвал в Каруже

Софи Вальс не читала новостей и это было не снобизмом, просто её мозг был устроен так, что любая вербальная информация, не связанная с молекулами, проскакивала мимо, как шум за окном поезда. Она могла неделю не знать, что в Женеве сменился мэр, но при этом помнила точную молекулярную массу амброксана (236.39 г/моль). Её лаборатория занимала подвал старого здания в Каруже, том самом квартале, где сардинские иммигранты когда-то строили дома с цветными фасадами, а теперь в каждом втором подвале сидел либо стартап, либо тату-салон, либо, как в случае Софи, человек, который разговаривал с масс-спектрометром ласковее, чем с людьми. Помещение было маленьким: два стола, хроматограф, спектрометр, шкаф с реактивами, холодильник с образцами и полка с блоттерами — бумажными полосками, пропитанными сотнями ароматов, которые Софи собирала годами. Вентиляции класса «чистая комната» не было и никогда не будет, на это нужны деньги, которых у неё не было. Зато были фильтры, которые она меняла каждые две недели, и абсолютная, почти монастырская тишина. Софи не включала радио, не слушала подкасты, она считала, что уши и нос - это сообщающиеся сосуды, и если забить уши «мусором», нос тоже начинает врать.

Ей было тридцать четыре. Тёмные волосы, собранные в небрежный пучок, из которого вечно выбивались пряди. Худые запястья, на которых не было ни часов, ни браслетов, только следы от перчаток. Глаза серые, внимательные, с тем особенным прищуром, который бывает у людей, привыкших разглядывать что-то очень мелкое. Она не пользовалась духами. Никогда. Это было не принципом, а необходимостью: её обоняние было её инструментом и она берегла его, как скрипач бережёт слух.

В то утро она работала над анализом стирального порошка для швейцарской компании, которая подозревала, что конкурент копирует их отдушку. Рутина. Скучная, но оплачиваемая. Софи как раз настраивала колонку, когда в дверь постучали.

Она не ждала гостей. Клиенты обычно звонили заранее, а курьеры оставляли посылки наверху, у консьержа. Она открыла дверь и увидела мужчину лет пятидесяти в дорогом,

но помятом пальто. Седые виски, очки в тонкой оправе, портфель из кожи, которая стоила больше, чем весь её хроматограф.

— Мадемуазель Вальс? — спросил он. Голос тихий, аккуратный, как у человека, который привык говорить в комнатах, где стены имеют уши.

— Да.

— Меня зовут Филипп Жерар. Я независимый консультант. Работаю по контракту со страховой компанией «Helvetia Re». Могу я войти?

Софи помолчала, оценивая. Страховая компания. Это значило деньги, но также значило бюрократию и, вероятно, проблемы, которые кто-то хотел замести под ковёр. Она шагнула в сторону, пропуская его.

Жерар оглядел лабораторию с вежливым удивлением человека, который ожидал увидеть стерильное пространство, а оказался в подвале, пахнущем растворителем и старым деревом.

— Уютно, — сказал он, не найдя лучшего слова.

— Функционально, — поправила Софи. — Что вам нужно?

Жерар сел на единственный стул для гостей (складной, из IKEA, с трещиной на сиденье) и достал из портфеля запаянную ампулу из инертного стекла. Ампула была маленькой, не больше мизинца и внутри неё не было видно ничего, кроме воздуха. Но Софи знала, что «ничего» в её профессии это самое интересное.

— Это проба воздуха, — сказал Жерар, положив ампулу на стол. — Взята из системы кондиционирования конференц-зала в отеле «Президент Вильсон» за пять минут до начала… инцидента.

— Какого инцидента?

— Вы не читали о презентации Lumina?

— Нет.

Жерар моргнул. Казалось, он не знал, как реагировать на человека, который не в курсе главного парфюмерного скандала месяца.

— Ну… на их мероприятии произошла массовая паника. Гости уходили, инвесторы бежали, акции рухнули. Официальная версия — отравление. Но страховая компания, которая должна выплатить Lumina компенсацию за срыв, подозревает, что причина была… другой.

— Какой?

— Нам нужен анализ воздуха, — Жерар кивнул на ампулу. — Полный. Нам нужно знать, было ли в зале что-то постороннее, что-то, что могло вызвать физиологическую реакцию у гостей.

Софи взяла ампулу, повертела в пальцах. Стекло было холодным, воздух внутри невидимым, невесомым, но она знала, что в каждом кубическом сантиметре воздуха содержится до десяти тысяч летучих органических соединений, и каждое из них — это чьё-то дыхание, чья-то кожа, чьи-то духи, чей-то страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.